

Орест Михайлович Сомов.

Сказка о медведе костоломе и об Иване, купецком сыне

Изд.: Советская Россия, 1984

OCR: Андрей Колчин

Посвящается баронессе С. М. Дельвиг

В старые годы, в молодые дни, не за нашу памятью, а при наших дедах да прапрадедах жил-был в дремучих лесах во муромских страшный медведь, а звали его Костолом. Такой он страх задал люду православному, что ни душа человеческая, бывало, не поедет в лес за дровами, а молодые молодки и малые дети Идавным-давно отвыкли туда ходить по грибы аль по малину. Нападет, бывало, супостат-медведь на лошадь ли, на корову ли, на прохожего ли оплошало - и давай ломить тяжелою своею лапою по бокам да в голову, инда гул идет по лесу и по всем околоткам; череп свернет, мозг выест, кровь выпьет, а белые кости огложет, истрошит да и в кучку сложит: от-того и прозвали его Костоломом. Добрые люди ума не могли приложить, что это было за диво. Иные говорили: это-де божье попущение, другие смекали, что то был колдун-оборотень, третьи, что леший прикинулся медведем, а четвертые, что это сам лукавый в медвежьей шкуре. Как бы то ни было, только хоть никто из живых не видал его, а все были той веры, что когда Костолом по лесу идет - то с лесом равен, а в траве ползет - с травой равен. Горевали бедные крестьяне по соседним селам; туго им приходилось: ни самим нельзя стало выезжать в поле на работы, страха ради медвежьего, ни стада выгонять на пастбу. Сильных могучих богатырей, Ильи Муромца да Добрыни Никитича, не было уже тогда на белом свете, и косточки их давно уже сотлели; а мечи их кладенцы, сбору ратные и копыа булатные позаржавели: так избавить крестьян от беды и очистить муромский лес от медведя Костолома было некому.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Прошло неведомо сколько времени, а медведь Костолом все по-прежнему буянил в лесу муромском. Вот забрел в одно ближее к лесу селение высокий и джкий парень, статен, бел, румян, белокур, лицо полно и пригоже, словно красное солнышко. Все девицы и молодичи на него загляделися, а молодые парни от зависти кусали себе губы. За плечами у при-хожего была большая связка с товарами, а в руках тяжелый железный аршин, которым он, от скуки, помахивал, как павлинным перышком. "Здравствуй, добрый молодец, - повел с ним речь Вавила, сельский староста, - издадека ли идешь, куда путь держишь?" - "Не больно издадека, дядя: города я Коврова, села Хворостова, прихода Рождества Христова; а путь держу к Макарьеву на ярманку". - "А с какими товарами, не во гнев тебе будь сказано?" - "Да с разными крестьянскими потребами и бабьими затеями: ино платки да кумачи, ино серги да перстеньки". - "А как величать тебя, торговый гость?" - "Зовут меня: Иван, купецкий сын". - "И ты не боишься один ходить по белу свету с товарами?" - "Чего бояться, дядя? на дикого зверя есть у меня вот этот аршин, а с лихим человеком я и просто своими руками справлюсь". - "Зверь зверю не чета, удалый молодец. Вот, недалеко сказать, и у нас завелась экая причина в муромском лесу: медведь Костолом дерет у нас и людей, и всякий крупный и мелкий скот". - "Подавайте мне его! - вскрикнул Иван, купецкий сын, засуча рукава красной александрийской своей рубашки. - Я с ним слажу, будь хоть он семи пядей во лбу. Давно уже слышу я слухи про этого медведя, а хотел бы видеть от него виды. Меня сильно берет охота с ним переведаться... Что же вы распустили горло, зубоскалы? - примолвил он с сердцем, оборотясь к молодымпарням, которые смеялись до пологу, потому что сочли его за хвастуна. - Ну вот отведайте-ка сил со мною: не поодиночке, такого из вас, вижу, не сыщется, а ухватитесь сколько можете больше за обе мои руки". Вот и налегли ему на каждую руку по четыре человека, и держались изо всех сил. Иван, купецкий сын, встряхнулся - и все попадали как угорелые мухи. "Это вам еще цветики, а вот будут и ягодки, - сказал Иван, купецкий сын, - кто из вас хочет померяться моим аршином? Возьмите". Только кто ни брался за аршин, не мог и приподнять его обеими руками. "И не диво, - проговорил Иван, купецкий сын, - в нем двенадцать пуд счетных. Теперь смотрите же". - Он взял аршин в правую руку, размахнул им, инда по воздуху зажуужало, и бросил вверх так, что аршин из глаз ушел, а после с свистом полетел вниз и впился в землю на полсажени. Иван, купецкий сын, подошел к тому месту, выхватил аршин из земли как морковку и, поглядев на насмешников таким взглядом, что у каждого из них во рту пересохло, молвил: "Смейтесь же, удалцы! или вы только языком горы вороχετε?.. Ну, смелее, дайте окрик на самохвала". - "Молодец! силач!> - крикнули в один голос и старый, и малый. Староста Вавила повел Ивана, купецкого сына, в свой дом, истопил баню для дорогого гостя, накормил его, напоил и спать уложил.

Вот на другой день, еще черти в кулачки не бились, Иван, купецкий сын, встал, умылся, богу помолился и, оставя связку с товарами в доме у старосты, взял только свой аршин и пошел к лесу. Близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли ходил он - мы не станем переливать из пустого в порожнее: скажем только, что все крестьяне не пошли в тот день на работу, а сошлись на площади перед церковью, молились богу за Ивана и за то, чтоб он одолел медведя Костолома, и забыли о еде и питье. Щи выкипели в горшках у баб, каша